

Дмитрий Дурнев

СТИХИ

Дмитрий Дурнев

СТИХИ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48498931

ISBN 978-5-0050-6614-5

Аннотация

Просто стихотворения. Написанные когда-то очень давно. Плохо ли, хорошо написанные – судить вам. Кому-то когда-то они нравились, кому и когда – уже не помню.

Содержание

Как-то очень давно, говорят старики...	5
Будда родился и сквозь суету...	7
Шла по миру Печаль...	8
А мне опять никто не пишет...	10
Пустота отсыревшей квартиры...	12
Что пули жизнь?	14
Я сегодня поутру встану...	15
Расслабился, уткнул лицо в ладони...	17
Чужие разобрал пороки...	18
Желтый лист осенний падает, кружится...	20
Вот идет человек, кто он, где он, о чем думает?	21
Осень желтым пером...	22
Холод мой от одиночества...	24
В багровые часы заката...	25
Уж брошены в лицо фигуры...	26
А я привык, что не один уж долго...	28
Он сказал мне...	29
У меня сегодня февраль...	30
Оглядишься не спеша...	32
Она просыпается утром...	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Стихи

Дмитрий Дурнев

© Дмитрий Дурнев, 2019

ISBN 978-5-0050-6614-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как-то очень давно, говорят старики...

Как-то очень давно, говорят старики,
Осень Май провожала с причала реки.
Навсегда уплывая в неведомый край,
Он ее целовал, говорил ей: «Прощай.
Время раны залечит, боль сердца пройдет.
Ты меня позабудешь уже через год».
Но она не забыла его и с тех пор
Молча бродит по свету от моря до гор.
И печаль на душе ее столь велика,
Что подходит к воде, остывает река.
Если деревья листьев коснется рукой,
Пожелтеют они от печали такой.
А цветы на лугу, где ночует она,
Облетят и завянут от этого сна.
Если город большой иль село на пути,
Осень в них непременно захочет войти.
Долго будет бродить по аллеям, мостам
И надежду хранить повстречать его там.
Если вдруг в октябре, облака разогнав,
Солнце выстрелит, с неба на землю упав.
Если снова наступит любви торжество,

Знай, то осень в толпе увидала его.

Поспешила догнать, закричала: «Постой!»

Нет, он скрылся из глаз, дождь пошел проливной.

Зонтик желтый раскрыв, сквозь листвы хоровод

Осень снова по свету неспешно идет.

Будда родился и сквозь суету...

Будда родился и сквозь суету
Он произнес: «Обещаю коту,
кошке, собаке, артисту во фраке,
чайной девчонке, шальному мальчонке:
Будут метели и будут дожди,
Счастье придет, лишь надейся и жди!»
Будда ушел и вокруг пустота,
Да вот вчера задавили кота.

Шла по миру Печаль...

Шла по миру Печаль,
Да нашла глаза, что вчера еще с блеском, с бирюзой.
Да вселилась в них как-то невзначай,
Потекла из них по щеке слезой.

Шла по миру Беда, хватать за пару рук,
Да с порога в дом, что и бел и чист.
От того ль теперь в доме этом стук?
От того ль теперь в нем лишь ветра свист?

Шла по миру Боль, да ворвалась в грудь,
Завертелась вмиг пулей у виска.
Хоть кричи, хоть вой, ночью не уснуть.
Хоть кричи, хоть вой, смертная тоска.

Шла по миру Ложь, да нашла язык,
Прилепилась так, что не отдерешь.
То ли пенье птиц, то ль вороний крик,
Ничего уже и не разберешь.

Шла по миру Любовь, вот уж много дней
Никого кругом, тишь да благодать.
Только для Любви нет того больней.

Кто поможет ей сердце отыскать?

А мне опять никто не пишет...

А мне опять никто не пишет,
Меня опять никто не ждет,
Меня опять никто не слышит,
Никто сегодня не придет.

Не привыкать, пусть долгий вечер,
Пойду по улицам бродить.
Кого я там сегодня встречу —
Зачем гадать? Так легче жить.

Вот снова легкое движенье —
Бег облаков под шорох шин.
Топчу земное притяженье.
Аршином меряю аршин.

И снова мимоходом лица
Унылый, добрый, странный вид.
Кого отвлечь, с кем поделиться?
Чужую боль своя не зрит.

Скрипит души стальная дверца,
Пуста безбожно голова.
И что-то подмывает сердце
Молчанье поместить в слова.

Их память грамотно запишет,
Но толку что: из года в год
Меня опять никто не слышит,
Никто сегодня не придет.

Пустота отсыревшей квартиры...

Пустота отсыревшей квартиры,
Нет неожиданных гостей за столом —
Уголок позабытого мира,
Старый дом предназначен на слом.

Безнадежно растрескались стены,
И чердак заселили грачи.
Счет ведут кирпичам перемены,
Бродит ветер в подъездах в ночи.

Проверяет забытые вещи,
Ищет что-то, а что — позабыл.
Помолчит, снова что-то зашепчет,
Никого, только ветер да пыль.

Но нет-нет заскрипит половица,
Тень неспешно проводит стена,
Будто кто-то задумал напиться,
Пробудившись от страшного сна.

Капли мерно бегут из-под крана,
Разлилася луна в пол-окна.
У отбитого края стакана
Опустилась на стул тишина.

Что пули жизнь?

Что пули жизнь?

Свинца без формы горнилом прерванный покой.

Оковы стали принявши покорно, последний выпад оставляет за собой.

Ствола объятая ледяные не могут возбудить в ней страсть.

Всей жизни той предназначенье – однажды в цель свою попасть.

Бойка коварное движенье, курс – череда сплошных потерь.

И лишь скупая похоронка метнется крысою под дверь.

Я сегодня поутру встану...

Я сегодня поутру встану,
Погрешу, что снова день серый,
И согреет мне души рану
Над лампадой огонек Веры.

Веры той немалые сроки,
Лагеря и тюрьмы ей храмом.
По этапам ходили Пророки,
Возвещая о главном самом.

Сапогами ее топтали,
Выбивали с душой из тела.
И, что хуже еще, плевали
И склоняли совсем без дела.

Не исчерпана еще горя мера,
Пусть сменили друг друга годы.
Не для всех она моя вера,
Для людей особой породы.

Тех, кто впопыхах не отрекся,
Кто не плел за спиной интриги.
Ее голос из сердца льется,
Не из какой-нибудь старой книги.

Не ищу я другой Веры.
С этой мне ни Бог, ни Черт не страшен,
Не беда, что снова день серый.
Совість – вот она Вера наша.

Расслабился, уткнул лицо в ладони...

Расслабился, уткнул лицо в ладони.
Вокруг спасительная темнота.
Пусть солнце за горою медленно утонет,
Уткнувшись краем в черные врата.

Не то чтобы неправ, скорей не понят.
А если что не так, ... ну чтож, прости.
Забыто, спрятано, не рвется и не стонет.
Да было бы вообще о чем грустить.

Увы, меня никто не гонит,
А так порою хочется уйти.
Расслабился, уткнул лицо в ладони,
Иду по кромке Млечного Пути.

Чужие разобрал пороки...

Чужие разобрал пороки,
Чужие меряя грехи,
Мы остаемся одиноки
На берегу большой реки.

И проплывают мимо годы,
На голову ложится снег,
Уносят безвозвратно воды
И чей-то плачь и чей-то смех.

Уже движение природы
Для нас безмерно тяжело,
Желание былой свободы,
Как муха бьется о стекло.

Вот в памяти явятся снова
События минувших лет:
И недосказанное слово,
И не подаренный букет.

О как бы все начать с начала!
Пускай сновья, пусть тяжело,
Но лишь бы сердце не молчало,
А вдаль куда-нибудь звало.

Желтый лист осенний падает, кружится...

Желтый лист осенний падает, кружится.
Бледный и озябший на ладонь ложится.
Где-то за морями полыхает лето,
Ну а нам осталось вспоминать об этом.
Скоро вновь завьюжит, заметет дороги,
Станет ночь длиннее, станут дни убоги.
Скованная льдами, поутихнет речка,
Затрещат морозы и сверчок за печкой.

Вот идет человек, кто он, где он, о чем думает?

Вот идет человек, кто он, где он, о чем думает?

Почему б ему не замедлить бег и не одолеть беду мою?

Почему б ему не пожалеть меня, да не взнuzдать коней?

Почему б не решить в три дня то, что в год не осилить мне?

Почему б ему не махнуть рукой, да не развеять зло?

Почему б не сыскать покой, коль не тяжело?

Ведь он с лица здоров, да и на вид храбрый весь.

Да только все мы в горе своем разные.

Осень желтым пером...

Осень желтым пером
На зеленом холсте
Пишет мне о былом:
О любви и тоске.

Словно желтый листок,
С ветки сброшенный вниз,
Чувства мерно парят —
Это сердца каприз.

И к уставшей душе
Вдруг приходит покой:
Облаков пелена
И туман над рекой.

Мысли – стая гусей,
Что тоскливо кричат,
От насиженных мест улетаю:
Печаль...

А вокруг тишина,
Хоть ложись да усни,
Позабыв навсегда
Суетливые дни.

Холод мой от одиночества...

Холод мой от одиночества.
Одиноким волком исстари
Я бродил. Отогреться хочется,
Да пугают костра выстрелы.

Да страшит многоликий шум
Тех кто гнал меня на огонь.
Поздно видно браться за ум —
Одинокого волка не тронь.

Одинокому не помочь —
Стая предала.
Уж не прыгнуть в огонь – невмочь,
Не упасть в неизведанное.

Одинокому волку судьбой таран,
Расшибая в кровь лоб.
Одинокого волка изъян —
Тяжелее любовь, чем гроб.

В багровые часы заката...

В багровые часы заката
К перу потянется рука.
Забудешь ты про всё, что свято,
О том, что смерть недалеко.

Лист, скованный призыванья сетью,
Спеша, упрямая строка
Пронзит стрелой иль ляжет плетью
На непокорные бока.

Бумага стерпит натиск ярый
Остервеневшего пера.
Оно несет с собой пожары
И крики с жаркого костра.

Минуты смеряют столетья
И может только на заре,
Мысль отвердеет незаметно,
Как мошка в древнем янтаре.

Уж брошены в лицо фигуры...

Уж брошены в лицо фигуры
Со старой шахматной доски,
Уж отсвистали пули-дуры,
От крови отерты штыки.

Дымок идет со дна воронки.
То небу отдает долги
Земля, и где-то там в сторонке
По глади луж идут круги.

Уныло лес шумит листвою,
Покорно принимая ночь.
Ночь не несет с собой покоя,
Ей день не в силах превозмочь.

Гуляет ветер по опушке
И тербит до слез глаза,
Вдали чего-то просят пушки,
А может быть идет гроза.

Вот солнце скрылось за пригорком,
Кляня земную круговерть,
И сладко-горькую махорку
Смолит в пустой землянке смерть.

А я привык, что не один уж долго...

А я привык, что не один уж долго,
Что кто-то мне еще необходим.
Привычка скверная, особенно для волка,
Который так любил ходить один.

Он сказал мне...

Он сказал мне: «Нет любви на свете.»

Он. Один из многих мудрецов.

Но откуда же тогда берутся дети?

«Может быть от глупости отцов.»

У меня сегодня февраль...

У меня сегодня февраль,
Красным на снегу снегири,
Рвется облаков сталь,
Ты меня за то не кори.

А у тебя, наверное, весна,
Шелестит за окнами лес.
Даже вместе я один, ты одна.
Мало в этой жизни чудес.

Не богат, если в этом печаль,
Да и что о том говорить?
У меня сегодня февраль —
Лишь его могу подарить.

Ну а в том, что метели звенят,
Кто виновен, кто разберет?
У меня сегодня закат,
А у тебя, наверное, восход.

На восходе сладкие сны.
Пусть они тебе говорят,
Что от февраля до весны
Ближе, чем от декабря.

Оглядись не спеша...

Оглядись не спеша, выходя из троллейбуса,
Поброди по дворам полуночного города.
Все они словно части забытого ребуса
И его разгадать – это было бы здорово!

Пошурши по листве, ветром нежно затасканной,
Посмотри в вышину и подумай о Вечности.
И засветит Луна неожиданно ласково,
И звезда пробежит по Пути бледно-Млечному.

Загляни в желтый глаз фонаря слеповатого
И увидишь в нем тайну за света раскатами.
В ней оттенки чего-то слегка полосатого:
Жизнь рассветы так часто сменяет закатами.

Она просыпается утром...

Она просыпается утром
И каждое утро с другим.
Что было растаяло, спуталось,
Они не друзья не враги.

Она отгоняет усталость,
Не копит обиды и зось.
От прошлого мало отсалось,
Забыто, как все началось.

Она может стать в две минуты
Безумно красивой, любой.
Быть скромной развязной распутной,
Вот только нельзя быть собой.

Она пропускает советы,
Прощаясь, не смотрит в глаза.
Привычна с утра сигарета,
Привычное что-то сказать.

Она просыпается утром.
А что там с утра до темна?
И в лучшее верится смутно,
Она вновь и вновь одна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.